

Т. ШАРШУНЪ
ХВАЛЕБНОЕ СЛОВО И. А. БУНИНУ

Съ радостью и удовлетвореніемъ встрѣтилъ я присужденіе Нобелевской преміи И. А. Бунину, ибо — останови шведская академія свой выборъ допустимъ на М. Горькомъ, и все вышло бы по другому.

«Босыковъ и Буревѣстника» — я знаю съ пеленокъ, и если въ русской литературѣ, все еще нѣтъ ничего болѣе значительнаго, то бесполезно и возлагать на нее слишкомъ большія надежды! сказалъ - бы каждый читающій.

Правъ оказался-бы и Г.-Д. Уэлсъ, давно заявившій, что: «русская литература отдыхаетъ послѣ Толстыхъ и Достовскихъ».

Творчество - же Бунина — разрастается и углубляется до сихъ поръ.

42 страницы «Господина изъ Санъ - Франциско», лучшія за нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій, написанныхъ на нашемъ языкѣ, и въ придачу къ нему «Митина любовь» и «Жизнь Арсеньева» — выравниваютъ русскій литературный уровень, — мы сдѣлали шагъ впередъ, проснулись отъ спячки

Послѣ Пушкина и Толстого, онъ — самый дневной, солнечный, олимпійски цѣломудренный русскій писатель.

Чеховская преемственность, конечно, на-лицо, но то, что у этого импрессионистическая стилизація, у Бунина — мѣдный звонъ.

Чеховъ во власти горечи и сарказма, Бунинъ — бѣса полуденна

Напранивается параллелизмъ Мопассанъ - Флоберъ.

«Мужики» равноцѣнны «Суходолу» и «Деревнѣ», остальное, лучшее у Бунина — выше.

Я чувствую его связь и съ нѣкоторыми писателями половины прошлаго вѣка Помяловскимъ и Слѣпцовымъ, напр., съ которыми его роднитъ — знаніе русской деревни, присущая имъ всѣмъ трезвость, и. какими - то судьбами «одинаковая социальная атмосфера».

Различіе-же ихъ въ томъ, что — тѣ писали «примѣнительно къ партійнымъ лозунгамъ», — основная же тема Бунина «Смерть Ив. Ильича» и «Гильгамешъ», — «гражданиномъ-же ему можно и не быть!».

(Поэтому, «Жизнь Арсеньева» — полнозвучный гимнъ русскому нормальному росту).

И, конечно, тема «Любви сильнѣе смерти», тургеневская традиція «Первой любви»: «Сонъ», «Корнетъ Елагинъ», «Солнечный ударъ», «Митина любовь».

Хотя герои его и менѣе романтичны.

Чаще, въ нихъ преобладаетъ, все тотъ-же бронзовый гулъ, столь свойственный его другому предшественнику — Толстому, растерянность передъ неисповѣдимыми путями матери природы, — тѣлесное сгораніе, а иногда и слѣдующая ступень: за разряженной до конца чувственностью — еще большая взыскуемость.

Даже преисполненная радостью, упоением жизнью — описания путешествий, а также и некоторые его беллетристические афоризмы — потрясают русским отчаянием, трагизмом, а иногда, в придачу и торжественностью.

Отсюда, как обратная сторона медали, на первый взгляд неожиданная — мир Э. По.

«Воды многия» характерны для первой категории, «Петлистые уши» и «Страшный рассказ» — для второй, а «Господин из Сан-Франциско» для смешанной, переходной.